

Как изображается война

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, а как Вы психологически воспринимали фильмы и книги про войну?

Борис Викторович Раушенбах: Я эти книги просто не читал, а фильмы не смотрел – заранее знал, что там будет.

Бернгардт: Мой отец высказывается на этот счет всегда одной фразой: "Историю пишут победители".

Вера Михайловна Раушенбах: Но это же разные вещи – то, что он немец, и что была война с фашизмом.

Бернгардт: Со стороны это, может, так и выглядит, но ведь все проецировалось на нас.

Борис Викторович: Конечно. И акцент делался не на фашистов, а именно на немцев.

Вера Михайловна: Вы говорите о том, как сами это воспринимаете, а не как окружающие воспринимали! То, что много тяжелого пришлось из-за фамилии перенести, – это было, но сейчас уже совсем другое дело.

Бернгардт: Я только что встречался с епископом Шпрингером. Разговор зашел о том, что в Бундестаге сейчас усиленно муссируется вопрос о постанровке в Берлине памятника жертвам Холокоста. Так вот, его сын восклицает: "Когда же все это кончится! Я здесь совершенно ни при чем, но каждый раз, как только приезжают какие-то иностранцы, должен все время перед ними оправдываться".

Не берусь судить за весь мир, но в России, мне кажется, пока коренная нация не переоценит того, что происходило во время войны, ничего кардинально меняться не будет. Такое впечатление от официальной версии, что была война Бога с Дьяволом. Говорят, что Сталин боролся с Гитлером. Но по такой логике можно и Гитлеру поставить в заслугу, что он боролся со Сталиным.

Однажды, в конце 80-х, был телемост Бирмингема с каким-то городом на Украине. Возник вопрос с советской стороны: почему в Великобритании живет бывший полицаи, а британцы его не выдают? Ответ звучал примерно так: "Вы ведь не осуждаете то, что делал сталинский режим". Хорошо помню реплику молодого человека с украинской стороны, которую все дружно поддержали: "Фашизм – это преступление против человечества, а сталинские репрессии – наше внутреннее дело". Меня это тогда просто покорило. Я лично считаю, что миллионы жертв сталинских репрессий – это люди, "человеки", а сталинизм – преступление против человечества. Вы с этим согласны?

Борис Викторович: Да, конечно. Это было явление, которое коснулось не только нас, но и, к примеру, через Коминтерн затронуло многих. Пересажали всех, кто по этой линии приехал.

Вера Михайловна: То, что Гитлер воевал против Сталина, это не совсем правильно. Ему земля была нужна, а не... А то, что Сталин, этот подонок, уничтожал своих, – так ведь шла борьба за власть, и нужно было, чтобы никто не мешал. Независимо ни от национальностей, ни от чего. Перестрелять и пересажать собственную семью – это уже какое-то...

Бернгардт: Людоедство.

Вера Михайловна: В том-то и дело. Тип человека, совершенно непонятный моей психологии. Всех пересажать, всех перестрелять...

Борис Викторович: Я это объясняю очень просто. Надо было уничтожить все то поколение, которое помнило, что Сталин в революции – мелкий человечешко. Ленин, Троцкий, Бухарин это делали, а Сталин был где-то на подхвате. И для того, чтобы стать вождем, надо было всех, кто это помнит, уничтожить.

Бернгардт: Включая и простых людей из того поколения – "Лес рубят – щепки летят".

Вера Михайловна: Простые люди пострадали не из-за этого, а из-за низкого уровня морали. Люди писали доносы, чтобы либо себя утвердить, либо что-то за это получить. Это совершенно другая сторона дела. А тем, выше, уже плевать – донос был, и все.

Что же касается планомерного истребления, то это коснулось именно тех, с кем Сталин вместе работал. Он был, вообще говоря, по сравнению с Троцким, Каменевым и прочими – мелочь, а восточный деспотизм не позволял ему этого допустить. Он должен был быть самым главным. Если бы Ленин вовремя не умер, я бы удивилась, если бы он и его не отравил как-нибудь. Если вообще он к смерти Ленина не приложил руку. Он мог поднять руку на Горького, еще неизвестно, как умер Дзержинский...

Вообще это дело темное, и вряд ли когда-нибудь его раскопают, потому что не все фиксировалось в документах.

Бернгардт: Историки скажут: "Нет документальных подтверждений – значит этого не было!"

Вера Михайловна: Совершенно верно.

Бернгардт: Борис Викторович, Вы сказали, что книг о войне не читали, в кино не ходили...

Борис Викторович: Не читал и не смотрел, потому что знал, что там немцы обязательно будут злодеи, а мне это неприятно.

Бернгардт: Одно дело – неприятно, другое – насколько это, на Ваш взгляд, соответствует истине?

Борис Викторович: Фильмы всегда не соответствуют действительности. На то оно и художественное творчество, чтобы что-то выпятить, подчеркнуть. Художественное произведение выбирает какой-то один частный вопрос, усиливает его, подчеркивает, обсуждает, обсасывает. Это закон нормальной литературы.

Бернгардт: Но ненормально, наверное, то, что все фильмы в одном ключе?

Борис Викторович: У нас невозможно было по-другому. Мы пострадали, страна пострадала от войны, и, конечно, фильм, в котором немец был бы ангелом, у нас был просто невыносим. В Германии, наверно, еще можно было снять такой фильм, у нас – нет.

Бернгардт: А можно ли надеяться, что настанут времена, когда советские войска, наконец, перестанут представлять "ангелами" и они станут обычной воюющей стороной?

Борис Викторович: Это уже происходит. Все теперь знают, что советские солдаты были далеко не ангелы. Они ведь были озлоблены, потому что шли наказывать агрессора.

Действительно, немецкие войска вели себя, мягко говоря, не лучшим образом на территории нашей страны. Правда, сами немцы утверждают, что это делали местные полиция и тому подобные. Даже люди, бывшие в оккупации, мне то же самое рассказывали. Мои родственники, которые были под оккупацией, говорили, что немецкие войска вели себя довольно прилично, а вот всякая местная шваль, которая всплыла, конечно, показывала себя во всей "красе". И потом, ведь зверства совершали не регулярные войска, а разные специальные подразделения. Так что войска... Я не думаю, чтобы они что-то очень плохое делали. Они делали то, что делают всякие войска: стреляют, кого-то бьют, что-то воруют...

Бернгардт: Мне дважды приходилось слышать, что якобы для поднятия партизанского движения в Белоруссии наши спецподразделения занимались террором населения под видом немецких солдат.

Борис Викторович: Это может быть, в сталинское время все было возможно. Но никаких концов Вы тут, наверное, не найдете. Такое, я думаю, делалось по устному приказу, чтобы следов не оставалось. Такие недостойные вещи часто не сопровождалось письменным приказом.

Бернгардт: Мне рассказывали, что такую группу забрасывали и в Поволжье.

Борис Викторович: Да, это известно. Забросили, потом объявили их шпионами и диверсантами, заявили, что местное население их прятало. Не знаю, действительно ли прятало или нет, но это было в газетах.

Бернгардт: Мне-то как раз рассказывали про случай, когда группу "диверсантов" сдали местным властям, а это оказались свои.

Борис Викторович: "Органам" надо было создать предлог для репрессий, они и устраивали провокации. Наверное, нашими спецслужбами была устроена куча провокаций. И часто неумные. Умных людей у нас в спецслужбах было не очень много. А потом в газетах писали, что вот обнаружен десант, который народ прятал.

Я не верил ни одному слову, когда это читал. Во-первых: как забросить десант в Поволжье, когда фронт был еще далеко? А главное – зачем? Ну забросили туда десант, и что он там будет делать? Пусть даже местные немцы его спрячут в какой-то деревне, а дальше что? Совершенно непонятно. Тем более, было очевидно, что их не спрятали бы.

В часы досуга

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, Вы как-то рассказывали, что еще в Питере начали ходить на лыжах.

Борис Викторович Раушенбах: Да, и всю жизнь ходил. В Питере ходить на лыжах было просто. Я жил недалеко от Невы, 7-10 минут пешком. В 20-е годы Нева замерзала. Сейчас этого нет, климат стал мягче, к тому же масса теплых вод сбрасывается в Неву. А тогда люди ходили по льду из одной части города в другую, это сокращало путь на Васильевский остров и так далее. И я тоже гонял. Приходил из школы, клал лыжи на плечо, 10 минут пешком, вставал на лыжи и бежал.

Обычно мы собирались человека по 3-4, мальчишки. – "Давай, пойдём сегодня!" – "Давай!" – И бегали. Вдоль берега, по льду, идеально ровная поверхность. По берегу там невозможно было бегать – гранитные набережные, а вот по Неве бегали все – масса народа, там была не одна лыжня, а десяток.

Бернгардт: Вы принимали участие в соревнованиях?

Борис Викторович: Нет, я никогда не был спортсменом. Это было обычное занятие, как в свое время в Москве ребята приходили со школы и шли на каток. Сейчас потепление произошло, катков нет, их нельзя залить: зальешь, а он тут же растает. А тогда были стойкие зимы, заливали катки, и люди шли кататься. Я на каток не любил ходить, мне это казалось глупым занятием – бегать по кругу. Потому что привык по Неве пройти куда-то и вернуться, а не мотаться, как дурак, на одном месте. Я и в Ленинграде на катки не ходил, только на лыжах.

Бегал по настроению, но всегда час-два. Километры можно было наматывать любые, лыжня кончалась только у Финского залива. Там стоят судостроительные заводы, на которых, как правило, строились военные корабли, и туда никого не пускали. Да мы туда и не ходили, потому что там берегов нет. В общем, бегали, где бегалось.

Поэтому я привык к лыжам и детей к ним приучил. Я купил им и коньки, водил их на каток и с ними катался. Чтобы они знали, что кроме лыж еще есть и коньки. Но им не понравилось, по сравнению с лыжами каток казался душным. Я был доволен, что мое воспитание сказалось. На лыжи я их поставил, когда им было 5-6 лет, они были маленькими, и я купил им маленькие лыжи. Они с детства, как себя помнят, всегда на лыжах, и до сих пор очень любят лыжи.

Бернгардт: Это в работе, наверное, большое подспорье.

Борис Викторович: Да, это очень хороший отдых.

Бернгардт: Особенно когда бывали передрыги?

Борис Викторович: Я заметил такой факт. Иногда вешаться хочется, такая обстановка на работе. Не то что меня кто-то подсиживает, а просто идет авария за аварией. И вот я становлюсь на лыжи. Первые два часа настроение ужасное, а к третьему часу наступало удивительное состояние полного безразличия к треволнениям обычной жизни. В частности, все неприятности по работе казались мне ерундовыми инцидентами, недостойными внимания. Удивительно! Поэтому я очень люблю лыжи.

Бернгардт: А Королев и прочие любили лыжи?

Борис Викторович: Начальство? Нет.

Бернгардт: Может, у них было что-то другое? Скажем, в МГУ математики, тот же Виноградов, альпинизмом занимались.

Борис Викторович: Нет, ничего не было. Королев и его заместители, помощники были слишком заняты, чтобы отдыхать, скажем так. Конечно, какой-то воскресный отдых у них иногда был. И с кем-то из них я даже однажды ходил на лыжах. Но для них это было редкое исключение, а я пытался сделать это правилом.

Вера Михайловна Раушенбах: Он, например, 7 лет не был в отпуске, когда работал у Королева.

Борис Викторович: Да, в отпуск не пускали.

Вера Михайловна: Работали с утра и до поздней ночи. Утром уходил (вставал он часов в 7 утра) и приходил часов в 10-11 вечера.

Бернгардт: То есть, если бегать на лыжах, то только в выходные?

Борис Викторович: Только в выходной.

Вера Михайловна: Тогда же был всего один выходной. И то отдыхали не каждый, иногда через раз.

Борис Викторович: Тогда все так жили.

Вера Михайловна: Не все, а королёвская фирма.

Борис Викторович: Я это и имею в виду.

Королев, Гагарин и другие

Эдуард Бернгардт: Как-то мы с епископом Шпрингером были в Центральном институте туберкулеза. Там был умирающий больной, и Шпрингер о нем молился. Через некоторое время мне снова довелось там побывать, и директор института, академик, сказал: "Тот больной-то был спасен! И не чаяниями Господа, а руками нашего профессора!" А я про себя подумал: "Бог всегда чьими-то руками это делает".

Борис Викторович Раушенбах: Совершенно верно.

Бернгардт: В данном случае, условно говоря, руками этого профессора Господь мог влиять на судьбу нескольких сотен, может быть, тысяч его пациентов. От результатов достижений ракетной техники зависела судьба сотен миллионов людей и всей планеты в целом. У Вас никогда не было ощущения, что Вашей рукой "водит" Божественная Воля?

Борис Викторович: Нет, никогда такого не ощущал. Понимаете, мы, когда работали, не придавали этому такого значения. Может быть, кто-то и испытывал какие-то эмоции, но я – нет. Возьмем даже полет Гагарина, вроде такой эпохальный момент. А для меня это была нормальная работа. Если постоянно работаешь, то нет такого ощущения: ах-ах, ох-ох и так далее.

Бернгардт: Вы тесно были связаны с Гагариным, с отрядом космонавтов?

Борис Викторович: Конечно, это же была моя работа. Я с Королевым работал с 37-го года, и поэтому для меня это была обычная работа, и Гагарин был тоже в рамках обычной работы. Все понимали, что это замечательно, эпохально, но во время работы я об этом не думал.

Бернгардт: А какая у Вас должность была?

Борис Викторович: Они по-разному назывались. Я вел все работы по управлению движением космического аппарата – это была моя специальность. А называлось это то отделом, то комплексом.

Бернгардт: Подчинялись напрямую Королеву?

Борис Викторович: Да. Был еще один из его замов, который нас курировал. Но формально мы были непосредственно под ним.

Бернгардт: Скажите, а было очевидно, что Гагарин должен стать первым?

Борис Викторович: Да нет. Их было человек 8-10. Никому не говорили, кто будет первый, кто – второй, это решали в последний момент. Подготовка шла, все знали, что это первая, условно говоря, "десятка", и готовили всех одинаково.

Гагарин полетел первым по ряду причин, тут вмешались не только деловые, но и политические соображения. Он действительно был толковый летчик, но важно было и то, что он из рабочих, русский и так далее. Было много пунктов, по которым получалось, что лететь должен был именно он. И по делу он был не сказать, что самый лучший, но один из лучших в этой группе. Я знал их всех, тут все было более или менее нормально. Но большую роль, повторяю, сыграли анкетные данные.

Бернгардт: Из него ведь сделали публичного человека, и он...

Борис Викторович: ...и он хорошо выдержал эту роль. Я очень за него боялся, но он не зазнался. Видимо, это учитывали психологи. Там вокруг них было столько психологов! И они, наверное, были не дураки, что-то понимали. Между прочим, очень крупные психологи, врачи.

Бернгардт: А все из этой "десятки" потом слетали в космос?

Борис Викторович: Нет. И причины на то были разные.

Бернгардт: Батурин вот взял и слетал. А у Вас не было желания?

Борис Викторович: Толку от таких желаний никакого не было, потому что по возрасту и состоянию здоровья я не годился. Поэтому это было пустое желание. И Королев хотел слетать...

Бернгардт: А в принципе это реально было при некоторых обстоятельствах?

Борис Викторович: В принципе – реально. Полетели Феоктистов, Елисеев. Параллельно со мной шли, на том же уровне. Но они моложе меня, что тоже немалую роль играло. И потом, они русские, а я немец. Кто ж меня в космос пропустит?! Ну действительно (*смеется*): первый человек в космосе – немец из России! В России не могли русского найти – это же чушь собачья.

Бернгардт (*смеясь*): Ну, про первого-то у меня и мысли не возникало!

Борис Викторович: Там такая очередь стояла...

Вера Михайловна Раушенбах: Самое интересное – Титов считал, что он не полетел первым, потому что его зовут Герман. Он был глубоко в этом убежден.

Борис Викторович: Титов не подходил тем, что он был сыном учителя. То есть из служащих, а нужно было – из рабочих. Как потом Терешкова. Дублерша была намного лучше ее. Конечно, надо было запускать дублершу, но она была служащая, а та – рабочая.

Вера Михайловна: Гагарин, кроме всего прочего, был очень обаятельный человек, простой в общении. В нем не было этого зазнайства.

Бернгардт: А испытания на космодроме – это всегда было опасно для руководства? Если я правильно помню, однажды при испытаниях погибла целая группа командного состава.

Борис Викторович: Отчасти они погибли по собственной дурости. Близко садились в кресла и смотрели, нарушили правила техники безопасности. Ракета взорвалась из-за безграмотности обслуживающего персонала, который допустил совершенно невероятный ляп.

Бернгардт: Это было году в 60-м?

Борис Викторович: Да. Там еще погиб один из известных маршалов – Неделин.

Бернгардт: Вы часто бывали на испытаниях?

Борис Викторович: Когда это нужно было. Там же часто что-то испытывали – одно, другое, третье. На тех испытаниях, где это было необходимо, присутствовал, а так – нет.

Бернгардт: Вы в своих статьях сравниваете организаторов науки с полководцами.

Борис Викторович: Это верно. Я придумал такую вещь, и она мне очень нравится.

Бернгардт: Королев был человек без сантиментов?

Борис Викторович: Нет. Он был человек очень добрый, внимательный, но в то же время... железный.

Бернгардт: Вы пишете, Королев и Глушко были уверены, что их "посадка" – дело рук Костикова. Они сами это говорили?

Борис Викторович: Во-первых, Королев мне сам об этом говорил. Во-вторых, это документально подтверждено – сохранились документы. Тогда были разные способы посадки. Некто утверждал, что Костиков ни при чем, что он не писал в НКВД. А и не надо было писать в НКВД! Он написал письмо в партком, что Королев негодяй и что это похоже на вредительство. А уже партком послал это в НКВД, и его арестовали.

Посаженный понимает, кто его посадил, по тем вопросам, которые задает следователь. Поэтому ни Королев, ни Глушко ни на секунду не сомневались, что их посадил Костиков.

Костикову просто повезло, что он умер в 1950 году, до того, как они стали знаменитыми. Они поставили перед собой цель стереть его в порошок, но когда могли это сделать, он уже был в лучшем из миров. Его хоронили как Героя Соцтруда и так далее, хотя он не имел права получить эту медаль. Ничего не сделал, но получил Героя.

Бернгардт: Борис Викторович, а Вы с Лангемаком не были знакомы?

Борис Викторович: Конечно был. Мы с ним здоровались, когда он к нам заходил, даже разговаривали, когда он вел технические совещания, но... это было знакомство мальчишки, только что получившего диплом, и высокого начальника из института. То есть он знал, что я являюсь участником совещания, и больше ничего.

Я, помню, хотел казаться очень умным на совещаниях и умудрялся задавать простой вопрос в такой форме, что никто не мог понять: в чем дело, что я спрашиваю? И он

несколько раз меня осаживал: "Вы скажите попросту". – "А попросту, – говорил я, – это то-то и то-то." – "А-а, ну тогда все понятно..." А мне казалось, что нельзя на совещании сказать просто: "Иди быстрее", а надо: "Увеличь количество взмахов ногами в единицу времени!" Это (*смеется*) была такая мальчишеская дурость – боязнь показаться недостаточно ученым среди серьезных людей.

Бернгардт: Насколько я знаю, Лангемака посадили по тому же письму Костикова?

Борис Викторович: Да, он там их всех назвал поименно: Клейменова и Лангемака – как руководителей института, а Королева и Глушко – как их "приспешников". Но сажали их не одновременно. Сначала – Клейменов и Лангемак, а потом, через некоторое время, – Королев и Глушко.

Бернгардт: А в разработке ядерного оружия были личности, аналогичные Королеву или фон Брауну?

Борис Викторович: Я об этом не знаю ничего, кроме того, что пишут в газетах. Что было на самом деле, пока не до конца известно. Какую-то роль сыграла наша разведка, которая многое украла у американцев. И потом там был такой умный человек, как Курчатов. Даже если разведка что-то приносила от американцев, он сам понимал, что надо делать.

Бернгардт: Недавно по телевидению показывали документальный фильм: академик Сахаров напутствует экипаж самолета перед вылетом. Экипаж, зная только, что нужно сбросить нечто над Ледовитым океаном, выполняет задание. А через два года их уже никого нет в живых.

Борис Викторович: Облучились...

Бернгардт: Неужто Сахаров не понимал, что перед ним смертники?.. В "Русском веке" Андрей Караулов настойчиво, с определенным подтекстом спрашивал Вас об ответственности ученых перед человечеством. Когда я прочитал Вашу книгу про "отца космонавтики" Германа Оберта, то вдруг понял, что вопрос был не по адресу. Энтузиасты, благодаря интеллекту которых совершенствовались ракеты, имели вполне определенную цель – освоение космического пространства. Они разрабатывали средство доставки в космос. С таким же успехом можно предъявлять подобные претензии не творцам бомбы, а создателям автомобиля – уж больно часто их стали начинать взрывать!

Борис Викторович: Да, просто ракеты оказались удобным средством доставки ядерных боеголовок.

Вера Михайловна: Это вопрос к военным: как они используют достижения ученых?

Борис Викторович: Это уже другой вопрос. Они финансируют. Никто, кроме них, не стал бы финансировать ракеты.

Бернгардт: Получается, что если бы не Гитлер и Сталин, которые смогли сцементировать усилия своих стран в военной сфере, и если бы не оказалось, что ракеты удобно приспособлять к военным целям, то и космонавтики бы не было?

Борис Викторович: Может быть. Почему советский спутник оказался первым в космосе? Да потому, что у американцев были базы в Европе для военно-воздушных сил. Они могли бомбить Москву с европейских баз обычными самолетами. А мы не могли ответить Америке никак. Мы могли, в лучшем случае, бомбить Берлин. А что от этого американцам? Плевать им на Берлин.

Бернгардт: То есть у нас был большой стимул?

Борис Викторович: У нас был огромный стимул. Единственная возможность ответить американцам на удар по Москве – это ответный удар по Вашингтону и Нью-Йорку. А если мы будем бомбить Мадрид и Берлин, то они скажут: ну и Бог с ними! То есть надо было сделать оружие для удара по Америке, а не по Европе. Это все у нас понимали. И Сталин, и все кто угодно. Поэтому работу в этом направлении правительство поддерживало.

Это был единственный способ не допустить следующей войны, которая была совершенно на носу. Там уже просчитывали все возможности. Они первыми сделали

атомную бомбу, попробовали ее на японцах и хотели начать атомную войну против нас, когда число бомб вырастет, если не ошибаюсь, до 15-ти. Чтобы "накрыть" 15 городов. Один город не играл никакой роли. Если одну бомбу сбросить, скажем, на Свердловск, то Челябинск будет работать – это не имело смысла. Надо было "накрыть" большое количество городов, и они стали делать нужный запас бомб.

Но до того, как они закончили подготовку этого количества бомб, мы подорвали свою. И все американские расчеты пошли прахом. Их ученые предсказывали, что бомба у нас будет в таком-то (не помню уже сейчас точно) году. Но мы их расчеты опередили года на три, и оказалось, что нет смысла начинать с нами ядерную войну – слишком опасно. Тем более что вскоре появились межконтинентальные ракеты.

И запуск первого спутника, который мы провели в спешном порядке, имел целью вовсе не изучение космоса. Главное было – показать американцам, что мы их можем накрыть. И они это поняли. Раз мы можем запускать спутники, значит любой город Америки может быть, увы, поражен. Тогда еще не было системы противоракетной обороны, они были совершенно беспомощны.

Я считаю, что это очень сильно способствовало сохранению мира. У американцев совершенно исчезло желание учинить в Европе что-нибудь этакое с мордобоем.

Бернгардт: Вы считаете, что они могли бы это сделать?

Борис Викторович: Нисколько не сомневаюсь, они наверняка бы это сделали. Это у них было и в планах, и в расчетах. Им надо было уничтожить Советский Союз до того, как он станет мощным. Но он стал мощным раньше, чем они предполагали, и тогда уже было поздно.

Американцы, конечно, не могли допустить разрыва атомных бомб на своей территории. Они понимали, что, скажем, 3, 4, 5 бомб, которые мы могли сбросить в начале войны на Америку, достав ее ракетами, не повлияли бы на ход войны, Америка не перестала бы быть великой державой. Но это уже было "неприемлемым ущербом". "Америка не поймет, – говорили в окружении президента, – как мы такое допустили."

Бернгардт: Таким образом, можно считать, что наши ракетчики и ядерщики...

Борис Викторович: Наши ракетчики и ядерщики сохранили мир. Это совершенно точно. Мое мнение, во всяком случае, такое. Иначе, если бы у нас не было такого мощного ответа, американцы наверняка бы оккупировали нас, с помощью Европы или еще как-то, с тем, чтобы погасить в зародыше заразу, которая, они чувствовали, ползет в Европу. Получилось все по-другому. Но мы, когда работали, об этом, конечно, не думали.

Бернгардт: А много немцев было в системе, в которой Вы работали?

Борис Викторович: В ракетной технике? По-моему, после войны я там один и был, да и то случайно оказался. Других немцев я у нас тогда не встречал.

Бернгардт: А Штернфельд?

Борис Викторович: Штернфельд – французский, точнее, польский еврей, который жил во Франции. Но он дутая фигура. Дутая в том смысле, что он ничего собой не представлял, хотя сам себя считал великим человеком.

Я был хорошо с ним знаком. Вел разные собрания, которые собирали в честь его 60-летия, и так далее. У него к концу жизни была совершенно явная мания величия. Он считал, что все, что творится в мире, происходит по его идеям. Хотя на самом деле он ничего не сделал даже и по линии идей.

Он был очень хорошим популяризатором и собрал все, что до него сделали Оберт, Циолковский, другие творческие работники. Собрал в одну книгу, грамотно ее построил, хорошо прокомментировал. Называлась она в нашем переводе "Космонавтика". Но своих-то идей там не было. Было очень смешно и печально наблюдать, как он на каком-то пионерском сборе, выйдя под аплодисменты на трибуну, говорил: "Сейчас, когда мои идеи осуществляются..." Ну какие "мои идеи", когда у него их не было! Идеи были у Циолковского, Годдарда, Оберта.

Бернгардт: Это не похоже на ситуацию с Альбертом Эйнштейном?

Борис Викторович: В чем-то, конечно, похоже, потому что Эйнштейн, что касается теории относительности, тоже сказал только то, что до него уже было сказано. Это сейчас известно. Но все-таки это несравнимые величины. Эйнштейн написал и ряд других работ, не имеющих к теории относительности никакого отношения.

Давайте забудем про теорию относительности, потому что многие считают, что это все сделали Пуанкаре, Лоренц. Он просто удачно все сгруппировал и опубликовал. Вначале он даже ссылался, как положено по правилам этикета, в нужных местах, что это сделали Пуанкаре и Лоренц. Потом его незаслуженно (или, наоборот, заслуженно) стала превозносить еврейская диаспора, и объединенное еврейство подняло его на бóльшую высоту, чем он, может быть, заслуживал. Но он не болтун, не пустое место, потому что имеет другие работы, которые показывают, что он серьезный ученый, на вполне хорошем уровне.

В какой-то мере Эйнштейн дутая фигура, но это всегда так бывает – прорыв пристегивают к какому-то имени. Хотя на самом деле это сделал, как говорили, "наш коллектив", потом объявляют, что сделал Иван Иванович...